

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В ТРАДИЦИОННОЙ “КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ” БЕЛОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

(на материале легенд и сказок)

Еще в молодости Константин Философ определил суть "любомудрия" как знание вещей Божественных – в той степени, в какой человек может приблизиться к Богу, – ибо оно учит человека подлинно становиться образом и подобием Сотворившего его". Эта цель – основная и единая для всего христианского мира. Однако в поисках путей к ее достижению разные народы используют различные средства. На их выбор воздействуют история этноса и его культуры, сложившиеся ценности и идеалы народа, сама его картина мира. Проследим, каким образом эта христианская традиция привносилась в этнокультурное сознание белорусского народа, в каких ценностях отпечатались и в каком виде определила стержень повседневной жизни белоруса, как идея "по образу и подобию" реализуется в самосознании рядового белоруса-крестьянина прошлого. Материал, на котором построены умозаключения, – белорусские легенды и социально-бытовые сказки.

Исследование большого числа текстов дает основание полагать, что во многом именно идея "образа и подобия" лежит в основании этоса и поведенческих стратегий повседневной жизни сказочных героев – людей. При этом процесс создания такого этоса двусторонен: не только человек должен формировать себя в свете Божественного идеала, но и Богу приписываются те черты, которые белорусский крестьянин считает наиболее значимыми для построения единственно верной модели повседневной жизни и воспитания чувства собственного достоинства человека и народа в целом.

Белорусский крестьянин относится к Богу, как к "своему", что на первом, самом явном уровне осмысления текстов доказывается распространенными сравнениями: Бог приходит к человеку "бы свой брат", "бы бацька". Несмотря на то, что образ Бога существует в нескольких коннотациях – деистической (как первопричины и перводвигателя мироздания), трансцендентной (белорус-крестьянин убежден в том, что существуют Бог и "багі",

т.е. языческие божества, и в этом случае Бог предстает как неведомая, таинственная, фатальная сила) и других, тем не менее самым распространенным и целостным является образ крестьянского Бога – отца и брата, научившего человека всему, что тот умеет, и приходящего по первому его зову. Не случайно в белорусских фольклорных текстах Бог часто предстает в виде нищего странника, старца. Он путешествует потому, что необходим каждому и должен делить внимание между всеми.

Так, в золотом веке Бог приходил к людям "бы свой брат, вучыў іх, як на свеце жыць... Людзі, бы кветкі, цвілі, жылі, бы птушкі ў небе ці рыба ў вадзе, жылі: што стрэлі, то ўжывалі – ні шчасця, ні бяды не зналі. Але што такое жыццё? Так жыве і звяр'ё па лесе, так жыве і дзераўляка. Бог убачыў тое да й пачаў вучыць людзей, як латвей дастаць ім жыўнасць, як зрабіць сабе адзежу, як схавацца ў непагоду, як лавіць рыбу да звяр'ё, да птушак. І пазналі тады людзі, што каму ўлажыў Бог розум, той можа рабіць, што хочэ"¹ [4, с. 125]. Однако и охота, и рыболовство понимаются скорее как сопутствующие занятия, которые не могут стать основанием праведной жизни. Не случайно охотник и рыбак часто осуждаются как лентяи, неспособные к планомерному труду, ориентированные на шальную – а значит, и неправедную – удачу. Отметим, что подобная ориентация осуждается в сказках – и не только с той точки зрения, что этот труд зачастую не приносит результатов, но и с той, что нарушает данную Богом установку на последовательность, производительность и в целом на отношение к миру как к полю, которое необходимо с любовью возделывать.

Убежденность в том, что работа на земле есть именно Божественное предназначение, – лейтмотив сказок и легенд: "І цяперака гавора Гасподзь: "Як бы нам с табою зямлі атыскаць? Патаму хоць нам без зямлі тожа можна жыць, а па-насташчаму няльзя" [1, с. 35]. Не случайно и охотник, и рыбак в сказке нередко продают душу дьяволу, от чего самим характером своего труда застрахован крестьянин. По той же причине резко отрицательны образы пана и различных чиновников – "камісара", "акамона": их занятия не считаются трудом, а следовательно, они гораздо в большей мере, нежели крестьянин, подвластны воздействию нечистого. В некоторых сказках эта связь прямая (пан или чиновник якшаються с чертом), в других само их

¹ Все цитаты приводятся в соответствии с орфографией источника.

поведение дает основания для подозрений в нечистоте их сущности².

Богу угоден не только труд, но и практицизм. В текстах легенд и сказок Он предстает величайшим практиком. Христос не просто наставляет человека, а сам делает соху, хомут, молотилку и учит крестьянина ими пользоваться. В ряде легенд Христос с Богородицею ходят по земле, обучая людей, "як на сьвеце жыць, як абрабляць зямлю, каб кожная рэч ішла на патрэбу чалавеку" [3, с.105].

Тот же мотив сопровождает странствия Христа и святых. Так, в сказке "Адкуль пашли грыбы" Христос неустанно думает о том, как бы сотворить побольше вещей, пригодных "на патрэбу людзям" в то время, как его спутник св. Пётр, гораздо менее отягощенный альтруистическими размышлениями, в одиночку съедает запас хлеба странников. В этой легенде, составленной по принципу бинарных оппозиций, примечательны три детали. Первая состоит именно в том, что все, исходящее от Бога (и от человека как Его лучшего творения), должно идти на пользу людям: потому выплюнутый застигнутым врасплох Петром хлеб превращается в пищу – грибы. Вторая – в том, каким образом Христос "наказывает" св. Петра. И третья – просвечивающее в этой легенде, как и в сказочно-легендарных текстах в целом³, на первый взгляд, неожиданное отношение человека (и сказочника, и коммуникативной аудитории) к каноническим святым.

Остановимся на двух последних наблюдениях. Итак, Петр похищает из котомки небольшой запас хлеба, предназначенный путникам для долгой дороги. Как же наказывает его Христос? Никак, даже словом не укоряет. Причина проста, и она высказана в ряде легенд таким образом: "Бог з пугаю не стаіць, кожны як захочэ, мажэ жыць" [5, с.236]. Единственное, что Он делает, – превращает испорченный хлеб в полезную вещь, в грибы. Это наиболее распространенный способ действия Бога – трансформация дурного в доброе, зла в добро. Так, в другой легенде черта, который садится на соху и мешает человеку работать, Бог превращает в коня. Даже волка Он творит для доброго дела, давая возможность детям-сиротам оберегать от зверя скотину и тем самым зарабатывать себе пропитание.

² Не случайно в ряде сказок черт выглядит, как "панічок у капялюшыку".

³ В отличие от духовных стихотворений, где святые обладают не только каноническими характеристиками, но и огромной высотой духа.

Потому же Бог отказывается истребить придуманные нечистым "паганя кусты" (лозу). Мотивация такого отказа проста и мудра: "Ведама, пакуль згубіш ліхое, то добрае само згіне" [4, с.178]. Потому действия Бога всегда чрезвычайно осторожны. Эта идеальная поведенческая модель приводит к значимой повседневной тактике исторического белоруса – к предпочтению косвенного пути, к своеобразной "окольности" в действиях. Главный способ достижения блага – не столько действие, сколько добрая мысль.

Так, герой одной из сказок, юноша, которого Бог берет в ученики, спускается в ад и жалеет грешные души, которые корчатся в котлах со смолой: "Бо чым яны вінаваты, што іх такімі Бог сатварыў і так ім на раду назначыў. Не, – думае ён, – Бог даруе ім грахі, бо ён добры, міласэрды, дак не схочэ, каб тое, што ён зрабіў, досталасо ліхім. Толькі ён гэто падумаў, як паатчыняліса катлы да й вышлі аттуль грэшныя душы да й пашлі хваліць Бога" [4 с. 223]. Итак, механизм преобразования, заданный Богом и переданный Им человеку, – добрая мысль, милосердие, сострадание. Можно предположить, что во многом по этой причине белорусский крестьянин не склонен к радикальным внешним переворотам: он понимает, что только внутренний антропологический переворот поможет изменить мир к лучшему. Только милосердие перевоспитает грешника и заставит его славить Бога: так, крестная мать, бросившая мальчика-сироту на произвол судьбы и за это посмертно мучающаяся в адовом котле, освобождается по одному его слову ("Гуслі"). Повинуясь призыву, идущему от сердца (т.е. от Бога), бедный крестьянин отдает единственную корову в плату за жизнь незнакомого разбойника: "Шкода стало таму беднаму злодзея, от і атдаў ён тым людзям сваю карову, абы яны не вешалі злодзея" [3, с.109–110]. Вероятно, потому же в белорусских сказках за единственным исключением (образ пана) нет окончательно испорченных людей. Для белорусского крестьянина XIX в. очевидно то, о чем в XX в. будут говорить разноконфессиональные антропологи – и православный митрополит Антоний Сурожский, и католик М.Шелер, и иудаист М.Бубер: что поиск Бога взыскует любви к человеку, а обращение к человеку требует любви к Богу.

Именно добрая мысль лежит и в основании молитвы: "Не таго Бог выслухае, хто ўмее добра яго прасіць, а таго, хто... шчыра

ўздыхне да падыме вочы на Бога" [5, с. 237]. Обратим внимание на прямое, непосредственно-конкретное отношение: "падыме вочы на Бога". Эта безыскусность, даже бессловесность молитвы с искренним сердцем – следствие чувства бесконечной внутренней близости к Господу, которая является безусловной, высшей ценностью для белорусского крестьянина – героя сказок. О таком опыте диалога Бога и человека в XX в. писал Антоний Сурожский: "Встреча бывает глубока, достигает совершенства, лишь когда оба ее участника способны пребыть вместе в безмолвии. Пока для поддержания контакта требуется поток слов, движений, пока, чтобы не потерять друг друга из вида, требуются словесные выражения, мы можем с грустной уверенностью сказать, что наши отношения еще не достигли искомой близости и глубины" [2, с. 51].

Вероятно, именно эта форма безмолвного взаимодействия, принятая в качестве модели идеального диалога, во многом и порождает образ святости, который постоянно репродуцируется белорусскими сказками. Основные качества святого человека (сказки "Съветы чалавек", "Поп і пустэльнік", "Съвіное рыло" и др.) – доброта, смирение, деликатность, чрезвычайная сдержанность в выражении чувств, отсутствие позы, незаметность. И не случайно в награду за высокую нравственность святой старец (часто в его облике предстает Господь) дарует герою сказки "Съветы чалавек" способность быть невидимым. Казалось бы, награда парадоксальна: человек отмечен не силой, не богатством, а даром, никак не пригодным в жизни. Но в том-то и дело, что именно эта способность отстраняет человека от суетного мира обыденности, обращая его лицом к внутреннему миру, миру истинной действительности, который приближает его к Богу.

Если исходить из точки зрения аксиологии, все более или менее значимые действия, в том числе и модели поведения человека, ценностно ориентированы. Тогда повседневные практики и востребованные культурой черты характера человека во многом вытекают из идеальной установки, установки на святость. Вероятно, именно отсюда – от идеи безмолвной молитвы, от отказа от неподлинной житейской суеты – и проистекает тот характерологический комплекс "совокупного белорусского крестьянина", о котором было сказано выше.

Обратившись к образу святого человека и к ценности немой молитвы, с некоторой осторожностью можно предположить, почему для многих легенд и особенно социально-бытовых сказок характерно насмешливое, подчас даже критическое отношение к каноническим святым (за исключением Богоматери и верного крестьянского помощника св. Николая). Вероятно, это связано с их посреднической ролью, с тем, что они встают между Богом и человеком, не давая свершиться их диалогу лицом к лицу. Не случайно в народной религиозной иерархии человек нередко нравственнее святых и статусно выше ангелов. Потому лишь ему Господь доверяет обязанность преобразования зла в добро путем "доброй мысли".

Отметим: Бог не дает рекомендаций в явной форме. Он предпочитает окольный путь – символическую форму выражения. Дело Бога – "зашифровать" мир, дело человека – "распечатать" упакованный в символическую форму смысл и выявить императив достойного поведения.

Исследователи нередко пишут о прагматизме (приземленности, здравости), интерпретируя их как главную ментальную характеристику белоруса. Думается, белорусский крестьянский прагматизм – куда более сложное явление. Иначе невозможно объяснить наличие тонкой религиозно-метафизической системы, на которой покоится жизнь белоруса. Его прагматизм складывается именно на основе метафизики. Работа на земле санкционирована Богом – сеятелем и пахарем, и потому урожай воспринимается не просто как гарантия сытости, но как Божие чудо. Рай воспринимается как сад, а сад, возделанный крестьянином, как рай. Подобный подспудный смысл одушевляет все предметы и явления, с которыми сталкивается человек. Оттого самые прикладные занятия "мужыка"-крестьянина имеют как минимум "двойное дно" – прагматическое и священное. Обыденная жизнь важна не сама по себе, а как постоянное соотнесение миров – земного и священного – и как реализация их неразрывности. Человек находится между священным и природным мирами, в роли их гармонизатора и примирителя: эту функцию доверяет ему Всевышний. Потому человеку не следует самонадеянно считать себя "хітрым да вельмі разумным" [3, с.161], а, напротив, – внимательно слушать Бога, который наполнил мир множеством скрытых смыслов.

Показателен здесь спор крестьянина и студента о том, чьи знания глубже (сказка "Мужык і паніч"). Гром и молния, которые студент объясняет электричеством, для мужика – Божия мощь. Огонь в печи, для ученого юноши остающийся природным феноменом, для крестьянина – сама красота; кот, умывающийся лапкой, – не просто животное, а чистота; полати – высота; вода – благодать. В отличие от юноши, вскормленного на молоке Просвещения и живущего в ограниченном мире законов природы, крестьянин видит двойное дно каждого явления и предмета.

Итак, главный вопрос статьи такой: каким образом то "знание вещей Божественных", о котором говорил св. Кирилл, преломляется в сознании рядового белорусского крестьянина прошлых веков? Какой путь совершенствования он избирает в свете представления о горнем мире, ценностях и идеалах, вдохновленных Богом? Вкратце его можно определить как путь доброй мысли, а необходимые для вступления на эту тропу качества – строгий трудовой этос, практицизм, "окольность" в действиях, смирение и, наконец, прозрение примет мира горнего, зашифрованных в вещах и явлениях мира дольнего.

1. *Легенды і паданні* / склад. М.Я.Грынблат і А.І.Гурскі. – 2-е выд., дапрац. і перапрац.– Мн.: Бел. навука, 2005.

2. *Митрополит Антоний Сурожский*. Может ли еще молиться современный человек? – Клин: Христианская жизнь, 2000.

3. *Сержпудоўскі, А.К.* Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А.К.Сержпудоўскі. – Мн.: Універсітэцкае, 1998.

4. *Сержпудоўскі, А.К.* Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў. – Мн.: Універсітэцкае, 1999.

5. *Сержпудоўскі, А.К.* Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета/ А.К.Сержпудоўскі. – Мн.: Універсітэцкае, 2000.

Авторская справка:

Чернявская Юлия Виссарионовна (г.Минск). БГУ культуры и искусств, доцент кафедры культурологии. Кандидат культурологии.

Дата рождения – 05.08.1962.

Паспорт № МР0296897. Выдан 06.05.1998 Заводским РОВД г.Минска.

Электронный адрес: yvch@tut.by.

Домашний адрес: 220004, Минск, ул Немига, д.6, кв. 116.

Домашний телефон – 200-97-28.

Мобильный телефон – + 375-296-45-14-31.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ